

Чжу Цзылин с любопытством обернулся на шум и увидел, как из дверей лавки грубо выталкивают человека. Его некогда роскошное одеяние теперь висело на нем жалкими лоскутами, измятое и перекошенное в потасовке со служащими заведения.

Приглядевшись, Цзылин в изумлении поднял брови — фигура показалась ему до боли знакомой.

Это и впрямь был он.

Чжу Цзылин никак не ожидал встретить здесь этого человека. Чжу Цзычжэнь всегда до крайности дорожил своей репутацией и обожал пускать пыль в глаза; по всем законам логики ему было совершенно нечего делать в таком захолустье. Как же он умудрился оказаться здесь, да еще и быть пойманным на попытке уйти, не заплатив?

Госпожа Ху души не чаяла в сыне и потакала любой его прихоти. Неужели в этом вонючем переулке нашлось что-то такое, на что у второго молодого господина не хватило бы карманных денег?

Цзылин присмотрелся внимательнее, пытаясь понять, из какого именно заведения выставили брата. Дверь лавки была узкой, а окна — наглухо закрыты ставнями; место совсем не походило на обычный магазин или лавку.

Заметив свирепые лица вышибал, которые не церемонились с «молодым господином», Цзылин мгновенно всё понял.

«Да это же игорный дом!»

В таком месте никаких денег не хватит, сколько бы их ни было. Неудивительно, что Чжу Цзычжэнь задолжал. Впрочем, сам виновник скандала, похоже, так не считал.

— Что вы делаете?! Как вы смеете?! На каком основании вы меня вышвыриваете?! — в ярости вопил Чжу Цзычжэнь, пытаясь вырваться из цепких рук работников. — Разве я не могу взять фишки в долг? Еще пару партий... еще совсем немного, и я обязательно отыграюсь!

В его глазах горел лихорадочный блеск истинного игрока. Он снова рванулся к дверям, крича:

— Ваш хозяин сам разрешил мне играть в кредит! Вы что, смеете идти против его воли?! Живо впустите меня! Мой отец — высокопоставленный чиновник первого ранга! Неужели вы думаете, что я не верну вам эти жалкие гроши?!

— Оставьте свои сказки, господин Чжу. Сколько раз вы уже брали в долг? — служащие игорного дома остались непоколебимы. Они преградили ему путь, не скрывая издевательских усмешек.

— Мы вовсе не боимся, что вы не заплатите. Просто у нас маленькое заведение, и мы не можем так рисковать. Знаете что? Ступайте-ка в свое поместье, возьмите серебро и верните нам те семь тысяч лянов, что уже задолжали. Идет? Вот тогда мы развернем для вас самую большую игру.

Слова служащего звучали развязно; было ясно, что былое почтение к сыну министра испарилось вместе с его кредитом. Один из вышибал, здоровяк с перебитым носом и свирепой рожей, внезапно положил тяжелую ладонь на плечо юноши. Его тон мгновенно стал угрожающим:

— Кстати, господин Чжу, вы уже несколько раз кормили нас обещаниями. Если через три дня деньги не будут доставлены... Боюсь, нам придется лично навестить поместье министра и потребовать долг у ваших почтенных родителей, — прошипел громила, наклонившись к самому уху Цзычжэня.

От этих слов у него ёкнуло сердце.

— Вы... вы не посмеете! Всего лишь семь тысяч лянов, неужели вы думаете, что у меня их нет? Если вы явитесь в мой дом с шумом, вам несдобровать!

— Если господин Чжу вернет долг, мы, конечно, не станем беспокоить господина министра. Но если нет... — вышибала зловеще осклабился. — У змей свои тропы, у крыс — свои норы. В этой огромной столице даже господин министр не всегда может уберечь своего драгоценного сына от... досадных случайностей или внезапных бед.

Угроза была более чем прозрачной. Чжу Цзычжэнь невольно вздрогнул. Он и представить не мог, что эти ничтожества, на которых он всегда смотрел как на грязь под ногами, осмелятся угрожать его жизни. В ужасе вытаращив глаза, он дрожащим голосом выкрикнул:

— Мой отец — министр ритуалов, чиновник первого ранга! Ваше заведение — лишь крошечный подпольный притон! Вы действительно готовы рискнуть головой, перейдя дорогу самому Чжу Жуйхуну?! Не бойтесь, что он узнает о вас? Он велит схватить вас всех и прямо сейчас закрыть этот гадюшник!

Чжу Цзычжэнь искренне верил: стоит этим людям хоть кончиком пальца коснуться его или просто явиться в поместье с требованием денег, как Чжу Жуйхун найдет способ через знакомых чиновников прикрыть притон, а всех его обитателей засадить за решетку.

Конечно, те, кто держал игорные дома в столице, имели какую-никакую крышу, но маленькое заведение в бедном квартале вряд ли могло похвастаться покровителем уровня министра. Для

него они были никем. Он надеялся, что это лишь пустые угрозы, призванные его запугать.

Однако вышибала лишь рассмеялся в ответ, ничуть не смутившись.

— Если господин Чжу так и не вернет долг, вот тогда и посмотрите — посмеем мы или нет! Только из уважения к вашему статусу мы даем вам три дня, чтобы вы сами принесли деньги. Будь на вашем месте кто другой, мы бы держали его здесь, пока родня не пришлет выкуп, иначе ему отсюда не выйти. Так что поторапливайтесь и не вздумайте юлить. Иначе последствия вам очень не понравятся.

С этими словами служащие, глумливо посмеиваясь, оттолкнули его прочь.

— Подождите! Отпустите меня!.. — Чжу Цзычжэнь отчаянно брыкался, но куда ему, изнеженному барчуку, было тягаться с привычными к дракам людьми? Его просто швырнули на пыльную мостовую, и тяжелая дверь игорного дома с грохотом захлопнулась прямо перед его носом.

Какое-то время он просто лежал в грязи — растрепанный, в измятой одежде, больше похожий на бродягу, чем на знатного господина. Зрелище было до крайности жалким. Сдавленно охнув от боли, он начал медленно подниматься, как вдруг заметил, что со всех сторон на него пялятся люди. Их взгляды были полны насмешки; прохожие тыкали в него пальцами и перешептывались, не скрывая злорадства.

Только сейчас до Чжу Цзычжэня дошло, что весь его позор разыгрался на глазах у толпы. Лихорадочный азарт мгновенно испарился, уступив место жгучему, невыносимому стыду.

— Чего уставились?! — в ярости рявкнул он на тех, кто стоял ближе всего.

Люди на миг замерли, но, вопреки его ожиданиям, не испугались. Напротив, короткая пауза лишь раззадорила их, и обсуждение вспыхнуло с новой силой. До его ушей долетали обрывки фраз:

— И это сын самого министра? С виду и не скажешь, какой-то оборвыш...

— Спустить семь тысяч лянов в кости! Будь я на месте министра Чжу, я бы такому сынку ноги переломал, чтобы из дома ни шагу!

— Младший сын семьи Чжоу тоже в этом притоне проигрался. За десять лет набежало всего пятьсот лянов, а этот... Как можно было так быстро спустить целых семь тысяч?!

Лицо Чжу Цзычжэня залило пунцовой краской. Ему хотелось осыпать всех этих нищербродов проклятиями, но зевак было слишком много. Понимая, что в одиночку ему не переспорить толпу, он, кипя от злости, поспешно одернул одеяние, опустил голову и, прикрыв лицо

рукавом, попытался скрыться.

Однако самое унижительное ждало его впереди. Не успел он сделать и нескольких шагов, как заметил на обочине пышный выезд. Окруженный плотным кольцом стражников — именно такой почет Чжу Цзычжэнь всегда мечтал иметь, но никогда не получал.

«Интересно, чьи это люди?»

Сначала в его душе вспыхнула зависть, но следом пришел ужас: этот важный господин наверняка видел всё его унижение. Лицо юноши снова потемнело. Он боялся, что свидетель расскажет о случившемся в их кругу, и тогда его репутация будет окончательно погублена. Он уже собирался было подойти и потребовать, чтобы знатный незнакомец молчал, но когда разглядел, кто именно сидит в окружении стражи, его словно громом поразило.

Чжу Цзылин поймал его панический взгляд и, что случалось крайне редко, одарил брата приветливой улыбкой, слегка прищутив глаза и приподняв уголки губ.

Впрочем, Чжу Цзычжэнь вовсе не почувствовал себя польщенным. Напротив, его лицо исказилось от бешенства. Мысль о том, что он только что был унижен какими-то цепными псами игорного дома, в то время как Чжу Цзылин — тот самый Цзылин, которого он привык безнаказанно травить — взирал на его позор с высоты своего положения, причиняла ему физическую боль.

Насколько жалким был он сам в эту минуту, настолько величественным казался Ванфэй. Этот контраст был для Чжу Цзычжэня невыносимее, чем все угрозы вышибал. Сердце вот-вот готово было разорваться от обиды.

Ноги юноши словно налились свинцом. Он стоял на месте, тяжело дыша и не сводя яростного взгляда с брата. В конце концов, скрежетнув зубами, он сделал вид, что не узнал его, и бросился прочь. Правда, теперь в его голове царил еще больший хаос. Казалось, сама судьба ополчилась против него.

В последнее время госпожа Ху стала прижимистой, денег давала всё меньше, а семь тысяч лянов были неподъемной суммой. Он надеялся, что сможет отыгаться, используя кредит, вернуть долг и остаться в прибыли. Но теперь двери игорного дома для него закрыты. Нужно было срочно искать другие способы достать серебро.

Угрожая людям из притона именем отца, в глубине души Цзычжэнь прекрасно понимал: Чжу Жуйхун ни в коем случае не должен узнать о его долгах. Он планировал вернуться домой, выдумать какой-нибудь предлог, чтобы выманить деньги у матери, а если не хватит — втайне вынести из поместья ценности и заложить их. Как только он добудет серебро и отыграется, он выкупит вещи обратно. Если бы всё прошло гладко, отец бы никогда ничего не заподозрил.

Но надо же было такому случиться, что именно Чжу Цзылин стал свидетелем его позора!

Теперь скрывать правду не имело смысла. Брат наверняка не упустит шанса поквитаться и донесет обо всем отцу!

А если Чжу Жуйхун узнает... тогда наказания не избежать. Мало того, что его запрут дома, так еще и карманные деньги урежут до жалких грошей.

«Проклятый выскочка! Ублюдок!»

В мыслях Чжу Цзычжэнь осыпал брата последними словами, но на деле он даже не посмел еще раз взглянуть в его сторону, боясь, что многочисленная стража мигом прижмет его к земле. Ему оставалось только позорно бежать.

Видя, что Чжу Цзычжэнь сам поспешно скрылся с глаз, Цзылин не стал его задерживать. Догадываясь, какими словами брат клеймит его в душе, Чжу Цзылин лишь довольно хмыкнул. Он отправил в рот еще один сахарный шарик — тот уже немного остыл и стал еще более хрустящим.

— Надо же, какие здесь чудесные чжа танго'эр. Мало того что вкус отменный, так еще и такое представление в придачу. Не зря зашел, — с улыбкой произнес он.

Дядюшка Чжоу тоже не скрывал своего изумления, смешанного с удовольствием.

— Кто бы мог подумать, что второй молодой господин проиграет целых семь тысяч лянв! Уверен, господин и его супруга еще ни о чем не подозревают. Представляю, какими станут их лица, когда займодавцы явятся к порогу их дома.

— Хм... — Чжу Цзылин задумчиво прожевал лакомство.

В его воспоминаниях о прошлой жизни не было ничего подобного. Неужели тогда Чжу Цзычжэнь всё же сумел достать деньги и замять дело?

«Может, мне стоит немного помочь ему? Попросить Жун Чжао, чтобы его люди поддержали тех вышибал и заставили их раздуть скандал на всё поместье?»

Размышляя об этом, Цзылин обратился к торговцу:

— Сложите мне всё, что уже готово, и те, что жарятся, тоже заберу. Куплю всё, что у вас есть.

— Господин желает забрать всё? — торговец на миг опешил от неожиданности.

Дядюшка Чжоу тоже не на шутку перепугался:

— Молодой господин, зачем вам столько?! Скоро время ужина!

«Неужели его аппетит снова стал прежним?!»

Чжу Цзылин, не заметив беспокойства старика, небрежно ответил:

— Хочу отвезти Ванъе на пробу. А остальное раздадим слугам и страже в поместье.

На самом деле у него просто было прекрасное настроение после позора Чжу Цзычжэня, и он решил таким образом отблагодарить хозяина лотка, чьи сладости привели его к месту событий.

Торговец, сияя от счастья, принялся поспешно упаковывать товар. И только когда Цзылин уже ушел, до него начал медленно доходить смысл сказанного:

— Этот благородный господин сказал... «отвезу Ванъе»?

В Великой Ци было несколько принцев крови, но юноша говорил о нем так, словно они были на равных или очень близки. Прекрасный юноша лет семнадцати-восемнадцати, состоящий в столь близких отношениях с принцем крови...

— Т-так... так это был сам Ли-ванфэй?! — невольно вскрикнул торговец.

Его крик заставил и остальных прохожих замереть.

«Но ведь говорили, что супруг князя Ли — уродливый голодный демон с клыками! Разве может он быть таким?»

Мало того что он самолично пришел за уличными сахарными шариками, так еще и заботится о том, чтобы покормить князя и своих слуг! Люди не могли поверить своим ушам, но вскоре до них дошло еще кое-что:

«Ли-ванфэй... он ведь тоже сын министра Чжу!»

Значит, тот игрок, что только что был с позором выставлен за долги, и этот неожиданно благородный и добрый супруг князя Ли — родные братья? Но они даже не поздоровались, словно были совершенно чужими друг другу... Столичные жители мгновенно почувствовали, что за этим кроется какая-то тайна.

Чжу Цзылин вернулся в поместье, на ходу лакомясь сахарными шариками. Самую свежую

порцию он отложил для Жун Чжао, а остальное разделил между стражниками. Не забыл он и про двух тёмных стражей, велел им показаться и забрать свою долю.

Аньвэй: «...»

Стражам пришлось выйти из своих укрытий. В их душах смешались досада от того, что их так легко обнаружили, и робкая благодарность за угощение.

Жун Чжао, узнав о возвращении супруга, ожидал доклада от тёмных стражей, но первым к нему явился сам Чжу Цзылин. Князь не знал, что его верные тени были на время «нейтрализованы» пончиками, и решил, что в городе произошло нечто непредвиденное. Он слегка нахмурился:

— У Ванфэя есть какое-то дело?

Цзылин хоть и любил проводить время рядом с ним, обычно старался не докучать по пустякам. Он приходил либо с новым блюдом, либо когда случалось что-то важное. Раз он пришел сразу после возвращения, значит, попал в беду.

Жун Чжао уже приготовился слушать о неприятностях, но Цзылин лишь лучезарно улыбнулся и сказал:

— Я увидел на улице лоток с сахарными шариками. Вкус оказался на редкость хорош, и я решил привезти немного Ванье на пробу. Вряд ли на дворцовой кухне или в нашем поместье готовят нечто подобное. Вы ведь никогда их не пробовали?

Цзылин достал из широкого рукава сверток, в котором осталась едва ли треть сахарных шариков, и, не удержавшись, отправил один себе в рот. С набитыми щеками он продолжил:

— Я часто ел их в детстве. А сегодня они показались мне даже вкуснее, чем тогда. Вот и захотел, чтобы Ванье тоже оценил...

Цзылин замолчал, заметив, что Жун Чжао смотрит на него тяжелым взглядом. Было невозможно понять — гневается он или размышляет. Решив, что муж недоволен тем, что он принес почти пустой пакет, Цзылин неловко улыбнулся:

— Кхм... Наверное, Ванье не слишком жалуется подобные сладости, вот я и... не стал оставлять много...

Жун Чжао слегка опустил веки, переведя взор на золотистые шарики, и негромко прервал его:

— Я пробовал их раньше.

— Хм? Так Ванъе их уже ел? — Цзылин искренне удивился. — Вам их готовили во дворце или вы тоже покупали их на улице?

Жун Чжао бесстрастно ответил:

— На улице.

Цзылин моргнул.

— Кто знает, может быть, мы когда-то покупали их у одного и того же торговца.

На этот раз Жун Чжао ничего не ответил. Цзылин не придал этому значения и с энтузиазмом продолжил:

— Тогда попробуйте эти! Сравните, какие вкуснее — те, прежние, или нынешние?

Жун Чжао помедлил, затем протянул руку и взял один шарик. Раздался тихий, отчетливый хруст. По сравнению с изысканными десертами сахарные шарики были верхом простоты. Их любили в народе лишь за обилие масла и сахара. По всем правилам, это лакомство не должно было ему понравиться.

— Ну как? — Цзылин слегка склонил голову набок. Его черные пряди рассыпались по столу, кончики волос коснулись бумаги, оставив едва заметные следы на еще не просохшей туши. Но он этого не заметил, во все глаза глядя на Жун Чжао.

Князь почувствовал, как его взгляд становится еще глубже. Неспешно проглотив кусочек, он негромко произнес:

— Вкус почти такой же, как у тех, что я ел когда-то.

То, что они с Чжу Цзылином ели сахарные шарики из одного и того же лотка, не было предположением. Это был неоспоримый факт. Во дворце действительно не готовили такое, а если бы и делали — в те годы его никто бы не стал ими баловать. Единственный раз в жизни он пробовал это лакомство тогда, на эшафоте, когда маленький Чжу Цзылин поделился своим любимым угощением.

Тогда это была лишь половинка пончика, отданная детской рукой. И сегодня — этот сверток. Заметив, что Жун Чжао смотрит на него, но мысли его витают где-то далеко, Цзылин негромко спросил:

— Ванъе вспоминает, как ел их в детстве? Вы, наверное, тайком сбегали из дворца, чтобы их купить?

Жун Чжао на миг замер.

«Неужели Чжу Цзылин снова пытается напомнить мне о прошлом? Хочет, чтобы я признал его?»

Но время еще не пришло. Князь немного помолчал, уклоняясь от ответа:

— У Ванфэя есть еще какие-то дела ко мне?

Цзылин и сам спросил это просто к слову. Видя, что Жун Чжао не хочет продолжать тему, он не стал настаивать. Немного подумав, он покачал головой:

— Нет, больше ничего. Разве что я уже набросал примерный план нашего Гастрономического города. Как только всё допишу и нарисую чертежи, приду обсудить это с Ванье.

Жун Чжао: «...»

Против описания он ничего не имел, но... рисунки?

«В крайнем случае, придется перерисовывать всё самому» — обреченно подумал он про себя.

Чжу Цзылин так и не обмолвился о позоре брата и не стал просить Жун Чжао помочь «подлить масла в огонь». Сначала он действительно хотел этого, но в последний момент передумал. Конечно, увидеть Чжу Цзычжэня в еще большей беде было бы приятно, но Цзылин рассудил, что и так уже просит у мужа слишком многого.

Жун Чжао уже выделил людей для Гастрономического города, готовится отправить корабли за море за новыми продуктами, его доверенные лица управляют лавками Цзылина... В такой ситуации взваливать на него еще и свои мелкие дрязги казалось неправильным. К тому же, он не считал родственников достойными своего внимания. Чжу Цзычжэнь умудрился задолжать семь тысяч лянов, и, судя по его поведению, он вовсе не собирался бросать игру. Зачем марать руки, если враг сам роет себе могилу?

Более того, если Чжу Жуйхун узнает о долгах сына, он наверняка начнет копать под этот игорный дом. Если выяснится, что люди князя Ли приложили к этому руку, может вспыхнуть скандал, который втянет Жун Чжао в опасные придворные интриги. Взвесив всё, Чжу Цзылин решил, что вреда от вмешательства будет больше, чем пользы.

В то время как Цзылин решил не злоупотреблять своим правом просить о чем угодно, его ученик Вэнь Цы, напротив, сделал этот совет своим девизом. После Пира любования

хризантемами юноша долго не решался последовать наставлениям друга, да и Хо Сюаньчжао почти не видел. Но сегодня, доведенный до крайности наглостью слуг, он рискнул — и получил всё, о чем просил!

Радость Вэнь Цы не знала границ. Оказалось, Чжу Цзылин был прав: в гневе генерала нет ничего непоправимого. Страх в его душе начал понемногу таять, как вдруг Хо Сюаньчжао, который только что во всем с ним согласился, снова нахмурился. Он уставился на супруга с явным недовольством и спросил:

— Ты знаком с Ли-ваном?

— А? — Вэнь Цы от неожиданности даже не сразу понял вопрос.

— Ты так яростно защищал честь князя Ли и его супруга... Сложилось впечатление, что их доброе имя тебе дороже собственного.

Юноша опешил. Спустя мгновение он возмущенно вскинул голову:

— О чем это вы, генерал?! Как я могу быть знаком с князем Ли? Просто у нас с Ли-ванфэем сложились... хорошие отношения! И разве оскорбление принца крови — не более тяжкое преступление, чем сплетни обо мне?

К тому же, в словах служанок о нем самом была доля правды. Если бы он стал сердиться на это, его гнев должен был пасть не только на них, но и на самого Хо Сюаньчжао! Вэнь Цы почувствовал укол обиды и с вызовом посмотрел на мужа. Хо Сюаньчжао, впервые увидев его таким решительным, на мгновение лишился дара речи.

Смелости юноше хватило лишь на пару мгновений. Стоило ему осознать, что генерал смотрит на него в упор, а лицо того кажется еще более свирепым, как его решимость испарилась. Он испуганно моргнул и поспешно отвел взгляд. Генерал немного помолчал, а затем сурово спросил:

— Ты говоришь — хорошие отношения с супругом князя Ли? С каких это пор? Ты считаешь его другом, а уверен ли ты, что он думает так же? Слухам нельзя верить слепо, — мрачно продолжил муж, — но если о ком-то говорят так много и так скверно, в этом почти наверняка есть зерно правды.

Услышав это, Вэнь Цы не выдержал:

— Это ложь! Чжу Цзылин совсем не такой, как в этих сплетнях! Мы знакомы с самого детства, я знаю его настоящего!

С тех пор как его родители погибли, Чжу Цзылин был единственным человеком, кто относился

к нему просто и искренне. Хо Сюаньчжао видел, как робость Вэнь Цы мгновенно сменилась горячей преданностью. Спустя долгое время генерал произнес ледяным тоном:

— Как бы там ни было, впредь я запрещаю тебе видеться с супругом князя Ли.

Вэнь Цы в ужасе расширил глаза:

— Но почему?!

— Без объяснений, — бросил Хо Сюаньчжао и, круто развернувшись, вышел из комнаты.

Юноша долго смотрел ему вслед, чувствуя, как недавняя радость сменяется горьким разочарованием.

— Молодой господин... — Сянсюэ подошла к нему, видя, как побледнел её хозяин.

Вэнь Цы очнулся. Он опустил глаза и плотно сжал губы. Похоже, он слишком рано поверил в успех. Совет Чжу Цзылина был хорош, но генерал — не тот человек, кто станет потакать его желаниям.

«Видимо, мне и вправду стоит готовиться к разводу»

<http://bllate.org/book/15829/1439834>